

мкнутые въ условныхъ понятіяхъ, предшествующія литературныя и историческія эпохи были болѣе отмѣчены единствомъ и несложностью направленія. Искусственный, официальный характеръ литературы XVII-го вѣка достаточно извѣстенъ. XVIII-й, вслѣдствіе естественной реакціи, односторонне вдается въ изслѣдованіе истинъ болѣе конкретныхъ, примѣнимыхъ къ общественной жизни, а литература, главнымъ образомъ, служитъ проводникомъ этихъ истинъ въ обществѣ. Это начало публицистики. Во Франціи и въ Англіи это вѣкъ скептицизма и невѣрія, возникшаго на основаніи знакомства съ естественными законами въ связи съ отрѣшеніемъ отъ тяжелыхъ многовѣковыхъ традицій. И тутъ, и тамъ, это скорѣй вѣкъ разума и прозы, чѣмъ поэзіи, т.-е. единственной области, въ которой традиціи удержались даже тогда, когда кругомъ все рухнуло. Въ Германіи преобладаетъ дидактика и рабское подражаніе иноземнымъ образцамъ, и только во второй половинѣ вѣка начинается сказываться тотъ переворотъ, наслѣдіе котораго Европа воспріяла отъ Франціи въ общественной жизни, отъ Германіи въ области духовныхъ интересовъ. „Фаустъ“, крупнѣйшее произведеніе германскихъ литературъ и самый яркій цвѣтъ этого переворота, выражая извѣстныя потребности времени, сознательно созрѣвшія въ душѣ автора или вложенныя въ произведеніе интуитивно, этимъ самымъ обозначаетъ и новый фазисъ развитія. Такъ какъ замыселъ его принадлежитъ области мысли, то и аналогію слѣдуетъ искать въ сферѣ современной умственной жизни вѣка.

Едва ли возможно исчерпать характеръ XIX-го вѣка краткимъ опредѣленіемъ. Онъ не только даетъ ростъ наслѣдію предыдущихъ вѣковъ и полнѣйшее выраженіе всѣмъ требованіямъ новаго времени, но проявляетъ и тѣ противорѣчія, которыя затрудняютъ характеристику его. Въ XIX-мъ вѣкѣ мы находимъ не одно широкое теченіе, которымъ опредѣляется господствующій характеръ вѣка, — ихъ нѣсколько, не говоря о многихъ мелкихъ притокахъ, у каждаго изъ которыхъ своя область, своя живописность. Не всѣ можемъ назвать и современными въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ нѣкоторыя являются остатками прошлаго, и только слились съ современностью. Не было эпохи болѣе сложной, многосторонней и представляющей болѣе яркія противорѣчія. Анализъ и мечтательность, позитивизмъ и мистическая „тоска по родинѣ“, субъективность и космополитизмъ, пессимизмъ и самыя бойкія и несбыточныя утопіи; широкія обобщенія и мельчайшая детальность, — всѣ эти противорѣчія, дѣйствительныя или кажущіяся, соединяются подъ знаменемъ „про-